

Относительно марксизма в языкознании

В последние годы в языкознании наблюдается оживление дискуссии. Это связано с тем, что в настоящее время в языкознании наблюдается оживление дискуссии. Это связано с тем, что в настоящее время в языкознании наблюдается оживление дискуссии.

ВОПРОС. Верно ли, что язык есть индустриальная революция?

Вопрос этот сложный. Язык есть индустриальная революция. Это связано с тем, что в настоящее время в языкознании наблюдается оживление дискуссии. Это связано с тем, что в настоящее время в языкознании наблюдается оживление дискуссии.

ОТ РЕДАКЦИИ. Предлагаем опубликовать статью, написанную в «Правду» в связи с дискуссией по вопросам советского языкознания. Сегодня мы публикуем статью И. Сталина «Относительно марксизма в языкознании», проф. П. Черныш «К критике истолкования языковой теории и языка».

Вопрос этот сложный. Язык есть индустриальная революция. Это связано с тем, что в настоящее время в языкознании наблюдается оживление дискуссии. Это связано с тем, что в настоящее время в языкознании наблюдается оживление дискуссии.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ 1950 ГОДА: LA DISCUSSION LINGUISTIQUE DE 1950:

Вопрос этот сложный. Язык есть индустриальная революция. Это связано с тем, что в настоящее время в языкознании наблюдается оживление дискуссии. Это связано с тем, что в настоящее время в языкознании наблюдается оживление дискуссии.

Вопрос этот сложный. Язык есть индустриальная революция. Это связано с тем, что в настоящее время в языкознании наблюдается оживление дискуссии. Это связано с тем, что в настоящее время в языкознании наблюдается оживление дискуссии.

Вопрос этот сложный. Язык есть индустриальная революция. Это связано с тем, что в настоящее время в языкознании наблюдается оживление дискуссии. Это связано с тем, что в настоящее время в языкознании наблюдается оживление дискуссии.

**70 ЛЕТ СПУСТЯ
70 ANS PLUS TARD**

Вопрос этот сложный. Язык есть индустриальная революция. Это связано с тем, что в настоящее время в языкознании наблюдается оживление дискуссии. Это связано с тем, что в настоящее время в языкознании наблюдается оживление дискуссии.

Вопрос этот сложный. Язык есть индустриальная революция. Это связано с тем, что в настоящее время в языкознании наблюдается оживление дискуссии. Это связано с тем, что в настоящее время в языкознании наблюдается оживление дискуссии.

Вопрос этот сложный. Язык есть индустриальная революция. Это связано с тем, что в настоящее время в языкознании наблюдается оживление дискуссии. Это связано с тем, что в настоящее время в языкознании наблюдается оживление дискуссии.

Вопрос этот сложный. Язык есть индустриальная революция. Это связано с тем, что в настоящее время в языкознании наблюдается оживление дискуссии. Это связано с тем, что в настоящее время в языкознании наблюдается оживление дискуссии.

Вопрос этот сложный. Язык есть индустриальная революция. Это связано с тем, что в настоящее время в языкознании наблюдается оживление дискуссии. Это связано с тем, что в настоящее время в языкознании наблюдается оживление дискуссии.

Вопрос этот сложный. Язык есть индустриальная революция. Это связано с тем, что в настоящее время в языкознании наблюдается оживление дискуссии. Это связано с тем, что в настоящее время в языкознании наблюдается оживление дискуссии.

04.06.2020, 10:00-12:00

Zoom

мини-конференция – круглый стол

Участники: Владимир Алпатов (Москва), Тинатин Болквадзе (Тбилиси), Анна Исанина (Лозанна), Юлия Маило (Лозанна), Себастьян Морэ (Лозанна), Сергей Ромашко (Москва), Патрик Серио (Лозанна), Михаил Трунин (Таллинн), Сергей Чугунников (Дижон), Екатерина Вельмезова (Лозанна) (организатор)

События 1950 года в советском языкознании

Владимир Алпатов (Москва)

До 1950 г. в советской науке о языке официально господствовало «новое учение о языке», провозглашенное в 1923 г. академиком Н.Я. Марром и признанное «марксизмом в языкознании» на рубеже 1920-х и 1930-х. Для эпохи, когда верили во всемогущество науки, стремились ко всему новому и ждали мировой революции, оно было ко времени. Увлекались им многие, преимущественно люди, принимавшие новый строй. А для партийно-государственного руководства было важно, что Марр единственным из членов Императорской академии наук объявил себя марксистом и сторонником пролетарской идеологии.

В 1930 г. на XVI партийном съезде Сталин говорил о вопросах языка и употребил формулировки, заставляющие вспомнить Марра: «В период победы социализма в мировом масштабе, когда социализм окрепнет и войдёт в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым». Однако после войны он специально выступил против уже покойного Марра.

К тому времени большинство марровских идей, включая четыре элемента, вышло из активного употребления. Но по-прежнему требовалось сохранять формальную верность «великому учёному», что во многих случаях мешало развитию советской лингвистики, особенно сравнительно-исторического языкознания, поскольку Марр отрицал языковое родство и языковые семьи.

Что послужило толчком для занятий Сталина языкознанием, достоверно неизвестно, но уже к концу 1949 г. он увлекся этой темой. Работы по языкознанию он писал сам. Текст был готов к марту 1950 г., когда доходчивость написанного испытывалась на слушателях закрытого учебного заведения – Военного института иностранных языков. По инициативе Сталина в газете *Правда* 9 мая началась дискуссия по языкознанию. Как одно из выступлений в дискуссии была оформлена статья Сталина; она появилась 20 июня 1950 г. в *Правде* и в тот же день была передана по радио. В июле и августе в той же газете вышли четыре дополнения в виде ответов читателям.

С самого начала Сталин подчёркивал главное: он обращается к вопросам языкознания не как языковед, а как марксист. Он выдвинул на первый план два пункта, более философские, чем лингвистические: отношение языка к надстройке (общеизвестный в то время марксистский термин, означающий совокупность идеологических отношений, взглядов и учреждений, обусловленную экономическим базисом) и классовость языка. На оба вопроса дан отрицательный ответ (у Марра он был положительным). Язык – не надстройка: он «для того и создан, чтобы служить обществу, как целому, в качестве орудия общения людей». «Русский язык так же хорошо обслуживал русский капитализм и русскую буржуазную культуру до Октябрьского переворота, как он обслуживает ныне социалистический строй и социалистическую культуру русского общества». «Язык, принципиально отличаясь от надстройки, не отличается, однако, от орудий производства, скажем, от машин, которые так же безразличны к классам, как язык». «Язык может одинаково обслуживать как эксплуататоров, так и эксплуатируемых», тем самым он не может быть классовым. Чисто классовый подход к языку критикуется с позиций элементарного здравого смысла.

В ответе на вопрос: «Каковы характерные признаки языка?» в суммарном и несколько упрощённом виде Сталин излагал положения, к которым в конце XIX – начале XX в. пришла «буржуазная» наука о языке, в частности, русская дореволюционная наука. Среди них понимание языка как исторического явления, признание общественной роли языка и необходимости изучения языка вместе с историей общества, выделение среди функций языка функции общения, тезис об эволюционном развитии языка, отрицание возможности

мыслить без языка. Сталин восстанавливал в правах лингвистику в том виде, какой она имела до Марра, включая прямо упомянутое сравнительно-историческое языкознание. «Характерные признаки языка» выделяются Сталиным в основном по канонам солидной и серьёзной, хотя уже не самой передовой к 1950 г. науки начала XX века, прежде всего, русской науки.

В ответе на четвертый вопрос давалась оценка Марра, который, по словам Сталина, «был всего лишь упростителем и вульгаризатором марксизма». И он, и его последователи осуждаются за «нескромный, кичливый, высокомерный тон, ведущий к голому и легкомысленному отрицанию всего того, что было в языкознании до Н.Я. Марра». От «нового учения» после этого сразу отказались практически все лингвисты: «учение» к 1950 г. было уже преодолено в советской науке и держалось лишь на поддержке сверху и на традиции, поэтому, когда Сталин прервал то и другое, марризм прекратил существование. Показательно, что и после разоблачения «культа личности» никто независимо от отношения к Сталину не стал всерьёз возвращаться к Марру.

Однако из текста можно сделать логический вывод, которого у Сталина нет. Существование особых марксистских наук в то время в СССР обосновывалось именно тем, что они касались надстройки или базиса. Однако язык – ни то, ни другое, а его сравнение с машинами и железными дорогами вообще хоронило идею об особом марксистском языкознании. Сталин прямо осудил отрицание того, что было сделано до Марра, причём ни разу не назвав эту науку «буржуазной». Следовательно, нет не только классовых языков, но и классовой науки о языке; однако об этом прямо не сказано. Всерьёз в работе о марксизме говорится лишь там, где показывается несоответствие марксизму некоторых идей Марра. Положительная же ее часть представляет собой пересказ, схематизированный и зачастую упрощённый, идей реабилитируемой науки о языке, существовавшей и до Марра, и помимо марксизма, а то и до марксизма. К этой науке предлагалось вернуться.

Для той конкретной ситуации такой призыв имел положительное значение, освобождая учёных от необходимости следовать фантастике Марра или хотя бы украшать свои сочинения его цитатами. Однако читая работу Сталина, можно подумать, будто всё языкознание в 1950 г. сводилось либо к «правильной» дореволюционной науке, либо к «неправильному» марризму. Но наука о языке продолжала развиваться и в СССР, и за рубежом. Новых теорий и методов в науке XX в. не заметил Марр (благодаря чему их сторонников марристы преследовали меньше, чем ученых старой школы), но не заметил их и Сталин, как и всё то, что в 1920-1940-х гг. было сделано в науке о языке в СССР. И именно в годы, последовавшие за публикацией работы Сталина, достигла максимума враждебность к современной науке Запада (что стимулировалось обстановкой «холодной войны»); при этом к западной науке XIX в. относились лучше. В первом номере начавшего выходить с 1952 г. благодаря выступлению Сталина специального журнала *Вопросы языкознания* современная западная лингвистика характеризовалась как «оскудение и маразм».

Остается сказать о причинах столь неожиданного для всех выступления вождя. Хотя Сталин постоянно переводил обсуждение в научную плоскость, он был, в первую очередь, политиком, а всё, что он писал, автоматически приобретало политическое значение. Если идеи Марра соответствовали конъюнктуре 1920-х гг., то теперь ситуация в стране и государственная политика резко изменились. «Космические» и действительно космополитические идеи Марра, пренебрежительно относившегося к русскому языку и русской науке, вошли в противоречие с государственным курсом. Может быть, Сталин случайно обратил внимание на марровское учение, но его критика этого учения не была случайной, по сути. К тому времени Сталин разгромил «левый» авангардизм в литературе и искусстве, предписав следовать художественным традициям Л.Н. Толстого и И.Е. Репина. И в науке близкий по духу к авангардизму Марр был удобной мишенью. Вместо его учения было предписано вернуться к традициям дореволюционного русского языкознания, действительно научного, хотя на тот момент и не самого передового. И на примере этой науки была дана общая установка на приоритет национального над классовым, на возврат к

нарушенным революцией традициям. Из временного, существующего лишь до всемирной революции, центра мирового пролетариата страна окончательно превратилась в сильное государство, продолжавшее традиции старой России, в том числе и в сфере науки.

The discussion of 1950 through the eyes of Georgian linguists¹

Tinatin Bolkvadze (Tbilisi)

The presentation will show how the attitudes towards Japhetic theory in Georgia – which was founded by former students of Nikolay Marr such as Ivane Javakhishvili, Akaki Shanidze, Giorgi Akhvlediani and others – changed in different periods, particularly at the Tbilisi State University.

After the Sovietization of Georgia the new power structure viewed Tbilisi University as a threat. The Soviet regime therefore spied on Tbilisi University in order to avoid anything unexpected. In fact, Nikolay Marr and the Soviet regime shared similar accusations against Tbilisi University, which never converted to Soviet principles regardless of the many attempts by the new regime to “cleanse” the students and guide them in the “right” direction. The political head of the Soviet Georgian government, Lavrenti Beria, verified this in his official and private correspondences.

During the State University Party Meeting on May 21, 1934, Chikobava and Akhvlediani were announced to be representatives of Indo-European Language Studies: “They have represented Indo-European ideals up to today. It is clear that they have not disavowed their views. They have been passive toward fighting for Marxist/Leninist Linguistic Studies. They often attack young Marxist/Leninist Linguistics members”.

There were special discussions in the Georgian Communist Party (K.P./B./) Tbilisi Committee Meeting regarding the conflict between Indo-European and Marxist philosophies within the study of linguistics. It became apparent that during linguistic discussions, Marxist-oriented professors and students were less advanced than the “Counter-Revolutionary Indo-Europeanists”. “The struggle against Chikobava, Shanidze and Topuria, the adepts of Counter-Revolutionary Indo-European doctrine, is not a bad idea; however, discussion of this matter is inappropriate because we are not ready. This is an especially serious battle, which was not even defeated in Moscow and Leningrad. Your Marr is not a pot of ideas, neither in Moscow nor in Leningrad. And linguistic studies are now taught based on Saussure’s text and not Marr’s. It is highly necessary to be well-prepared and not expose unprepared young men on the front lines...” An anonymous reviewer did not like Arnold Chikobava’s *Introduction to Linguistics* textbook, published by TSU in 1935. The fact is that the author did not discuss the main problems of Soviet linguistics, which were: 1. Rejecting comparative methods and false historicity; 2. Recognizing not only sound but also sign language as a genuine object of research in linguistics; 3. Identifying the histories of thought and language; 4. Disapproving descriptive grammar, explaining the need of history even in the taught of grammar in schools; 5. Taking into account the issue of the origin of language; 6. The glottogenetic process of the creation of languages; 7. Methods of establishing languages’ relationships; and 8. Tiered language development. Nevertheless, the book was printed, though its perceived inadequacy did not go

¹ The presentation is based on the archival data, found and analyzed within the framework of the project “Soviet Utopian Theories and First Textbooks of General Linguistics: 1918-1950” financed by the Shota Rustaveli National Scientific Foundation of Georgia. My book *The Georgian Triangle of Soviet Linguistics: N. Marr, J. Stalin, Arn. Chikobava* (Tbilisi, 2018) is based on the results of this scientific project.

unremarked upon. The preface read, “Arnold Chikobava has not yet been declared free from idealistic opinions, but, despite this huge deficiency, we still need to acknowledge the publication of this book. It is obvious that readers will take it critically and will consider its theoretical mistakes” (“Preface” 1935: VIII). The author’s main drawback, it went on to say, was that “he does not properly appreciate Soviet linguistics and its achievements. To this day, the author has still not completely separated himself from the Indo-European principles, but the positive side of the textbook is that the author here has removed main questions of general linguistics from the materials in Georgian, which will make it noticeably easier for students to study the key issues of linguistics”.

This book was the first textbook prepared by Arnold Chikobava, before he was a co-author with Giorgi Akhvlediani, one of the founders of Tbilisi State University and its departments of General linguistics, Indo-European linguistics and Experimental phonetics.

After the death of Nikolay Marr, Japhetic theory still was developed in the Soviet Union.

The year 1949 was very important for the fate of Nikolay Marr’s Japhetic Theory. On July 21, 1949 the Presidium of the Academy of Sciences of the USSR adopted a famous resolution on the Modern Status of Soviet linguistics and Measures to Improve Linguistic Work in the Academy of Sciences of the USSR. The main provisions of this Resolution aimed at developing Japhetic Theory in terms of its popularization, research and teaching. That same year, Stalin secretly launched a linguistic discussion about which only a few people knew.

In order to reconstruct what was happening in the Georgian scientific centers and how the fight against Japhetic Theory – publicly announced in Moscow – was reflected in their everyday life, as well as the path that Arnold Chikobava’s article took to arrive at publication in *Pravda* on May 9, 1950, we have compared the archival documents at our disposal:

I. Kandid Charkviani’s letter to Stalin about the status of Soviet linguistics sent on December 27, 1949, which is included in his book *Meetings with Stalin*. I would like to express my gratitude to Mr. Gela Charkviani, famous Anglicist and former Ambassador of Georgia to the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, and son of Kandid Charkviani, who provided me with this letter and permitted its publication.

II. A document kept in the State Archives of Russian Socio-Political History – “Записка Сталина И.В. к рассылаемой статье Чикобавы А. ‘О некоторых вопросах советского языкознания’, с приложением статьи А. Чикобавы с правками Сталина И.В.”. We thank American scholar Professor Ethan Polk for his assistance in obtaining this document.

III. Two letters by Arnold Chikobava on Nikolay Marr’s stadial classification of languages and Turkish Language Theory – *Güneş Dil Teorisi* (the Sun Language Theory) delivered to the Propaganda Department and stored in the former Archives of Party Bodies of the Archives Division of the Ministry of Internal Affairs of Georgia. The article by Arnold Chikobava on Marr’s stadial theory later was commented by Stalin, that is the subject of Kandid Charkviani’s 1949 letter to Stalin. This letter was kept in a folder that Stalin did not return to Chikobava, proposing that Chikobava instead write a new article for *Pravda*². Only in the English version of the given article does Chikobava point out that, “I soon received, through K. Charkviani, my paper on Marr’s stadial development of languages with J. Stalin’s notes”. This information is not included in the Russian or the Georgian versions of Chikobava’s article. This letter is still kept in

² A. Chikobava «When and how it happened», in *Annual of Ibero-Caucasian Linguistics, The Academy of Sciences of the Georgian SSR*, 1985, vol. XII: 39-43.

the former Archives of Party Bodies of the Archives Division of the Ministry of Internal Affairs of Georgia, but without the aforementioned comments and remarks. The folder also contains an article about the Turkish theory of *Güneş Dil Teorisi*.

IV. A copy of the letter written by Arnold Chikobava for *Pravda*, which was given to us by Mr. Vazha Shengelia, corresponding member of the Georgian Academy of Sciences, for which we would like to express our gratitude to this scientist. This should be the previous version of Arnold Chikobava's letter published on May 9, 1950 in *Pravda*.

Соответствие vs закономерность в дискуссии о языке и языках

Екатерина Вельмезова (Лозанна)

В настоящее время лингвистическую дискуссию 1950 года чаще всего сводят к «спору» Н.Я. Марра и Сталина, забывая о других ее участниках, цитируемых в этой связи гораздо меньше (исключением из правила, которое встречается чаще других, остается А.С. Чикобава, антимарристская статья которого открыла дискуссию в *Правде* 9 мая). Однако позиции других участников дискуссии не менее интересны и, как правило, не сводимы к однозначным суждениям: «марристы» признавали недостатки «нового учения о языке» («Не отрицая наличие у Марра ряда ошибочных высказываний...»); «антимарристы» не всегда и не во всем соглашались друг с другом (например, точки зрения Сталина и Чикобава на возможность считать язык надстройкой над базисом нельзя считать совершенно схожими) и не могли отрицать ряда академических заслуг Марра («Никто из советских ученых не может отрицать огромных заслуг Н.Я. Марра в различных отделах языкознания»); наконец, некоторые участники дискуссии занимали так называемую «нейтральную» позицию («Взять ценное, отбросить устаревшее»), отчасти сближаясь как с «марристами», так и с их противниками.

Ниже приведен список статей, опубликованных в *Правде* в рамках дискуссии с 9 мая по 20 июня 1950 года.

9 мая (*Правда*, № 129):

- А. Чикобава «О некоторых вопросах советского языкознания», стр. 3-5

16 мая (*Правда*, № 136):

- И. Мещанинов «За творческое развитие наследия академика Н.Я. Марра», стр. 3-4

23 мая (*Правда*, № 143):

- Н. Чемоданов «Пути развития советского языкознания», стр. 3
- Б. Серебренников «Об исследовательских приемах Н.Я. Марра», стр. 3-4
- Г. Санжеев «Либо вперед, либо назад», стр. 4

30 мая (*Правда*, № 150):

- Ф. Филин «Против застоя, за развитие советского языкознания», стр. 3
- Гр. Капанцян «О некоторых общелингвистических положениях Н. Марра», стр. 3-4
- А. Попов «Назревшие вопросы советского языкознания», стр. 4

6 июня (*Правда*, № 157):

- В. Виноградов «Развивать советское языкознание на основе марксистско-ленинской теории», стр. 3-4

13 июня (*Правда*, № 164):

- Л. Булаховский «На путях материалистического языкознания», стр. 3
- С. Никифоров «История русского языка и теория Н.Я. Марра», стр. 4
- В. Кудрявцев «К вопросу о классовости языка», стр. 4

20 июня (*Правда*, № 171):

- И. Сталин «Относительно марксизма в языкознании», стр. 3-4 (текст Сталина по своему объему вполне вписывался в «установленные» до этого дискуссионные рамки, не превышая их)
- П. Черных «К критике некоторых положений “нового учения о языке”», стр. 4.

Как можно видеть, среди участников дискуссии были как ученые, чьи имена широко известны и в настоящее время (И.И. Мещанинов, В.В. Виноградов), так и те, о которых сегодня вспоминают гораздо меньше (за исключением специалистов, к примеру, немногие сегодня скажут, кто такой А. Попов, доктор исторических наук из Ленинградского государственного университета, статья которого была опубликована в *Правде* 30 мая). О последнем нельзя не пожалеть: помимо академического интереса, который может

представлять для историков языкознания изучение любого связанного с лингвистикой исторического документа, следует отдать должное и смелости участников дискуссии – вплоть до 20 июня 1950 было непонятно, чем это обсуждение может завершиться.

Подробный анализ выступлений всех участников дискуссии может проводиться по разным параметрам и с разными целями; сегодня я ограничусь анализом дискуссии 1950 года как «спора» лингвистических «парадигм», ориентированных на изучение языка как *langue* и языка как *langage*. Это, в частности, проявилось в разных интерпретациях понятий *соответствия* и *закономерности (закона)* участниками дискуссии, занимавшими разные, порой противоположные позиции¹. Интересно уже то, что по крайней мере некоторые из слов, отсылающих к соответствующим понятиям, встречаются во *всех* статьях, опубликованных в рамках лингвистической дискуссии в *Правде* с 9 мая по 20 июня 1950 года – за исключением только одного текста, статьи В. Кудрявцева (оказывающейся тем самым исключением, которое только подтверждает правило). Для сторонников Марра эти понятия претендовали на статус универсальных, применимых ко всем языкам. В то же время, противники марризма настаивали на необходимости применять их к изучению развития конкретных языков. Анализ контекстов употребления данных понятий участниками дискуссии (включая и тех, кто пытался оставаться «нейтральным») позволяет говорить о готовности советских языковедов середины прошлого века оперировать соответствующими категориями при изучении разных языковых уровней: в опубликованных в *Правде* статьях речь заходила прежде всего о диахронической фонетике (фонетические законы *vs* соответствия, специфические для каждого отдельного языка или для групп родственных языков) и семантике (возможное наличие так называемых семантических универсалий, т.е. семантических закономерностей, применимых ко всем языкам). Эти вопросы отсылали и к другим проблемам, также фигурировавшим – имплицитно или эксплицитно – в опубликованных в *Правде* статьях: например, изучать ли язык «в самом себе и для себя»² (фонетические законы в диахронии не связаны с историей говоривших на соответствующих языках народов) или же в связи с историей и развитием того общества, в котором на этом языке говорят (отражая развитие определенного народа, меняется и семантика его языка)?

Изучение того, как за семьдесят лет, прошедших со времени дискуссии, в лингвистике изменился подход к рассмотрению *законов, закономерностей и соответствий*, формулируемых для этих языковых уровней, могло бы составить тему отдельного исследования.

¹ «Позиции» Марра и Сталина по этому вопросу я уже рассматривала в недавней статье: Е.В. Вельмезова «Лингвистическая дискуссия 1950 года как “спор” Марра и Сталина о законах», in *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 2019, vol. III (4): 75-89.

² Имя Ф. де Соссюра в дискуссии упоминалось.

Как дискуссия 1950 г. повлияла на развитие советского переводоведения?

Анна Исанина (Лозанна)

Дискуссия по вопросам языкознания, инициированная *Правдой* и триумфально завершённая серией публикаций за авторством Сталина, породила в среде языковедов реакцию, которая затронула практически все дисциплины филологического цикла, включая переводоведение. Среди работ, увидевших свет в последующие три года, фактически нет ни одной, где бы не было ссылки на «великое произведение» и на «гениальный труд» вождя.

С последствиями дискуссии ряд авторов (Alekseeva 2013; Menzel, Pohlan 2013; Mossop 2013; Комиссаров 2002; Нелюбин, Хухуни 2003 и др.) связывает и становление отечественной теории перевода.

Как отразились идеи Сталина в работах А.В. Федорова (1952; 1953), подробно рассмотрено в статье А. Шаховой (Shakhova 2017): автор анализирует последствия языковедческой дискуссии в терминах Т. Куна (Kuhn 1962 [1970]) и А. Лефевра (Lefevere 2009). Однако некоторые положения, озвученные Сталиным, остались за рамками ее анализа.

Речь идет прежде всего о спорах вокруг понятия «формализм», спровоцировавших бурную дискуссию в среде переводоведов во второй половине тридцатых годов прошлого века. Этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения в свете публикации Сталина «К некоторым вопросам языкознания» от 04.07.1950, известной также подзаголовком «Ответ тов. Е. Крашенинниковой». Кроме того, статья лишь вскользь упоминает о предшествующих работах по переводоведению тридцатых – сороковых годов и совсем не касается теории реалистического перевода, разрабатывавшейся И.А. Кашкиным в начале пятидесятых годов прошлого столетия (Кашкин 1951; 1954). Без учета этих событий оценка реального влияния трудов Сталина на развитие отечественного переводоведения была бы не вполне объективной.

Этот пробел и имеет целью восполнить мой доклад.

Библиография

- КАШКИН 1951: Кашкин И.А. «О языке перевода», in *Литературная газета*, 01.12.1951: 2-3.
- , 1954: Кашкин И.А. «О методе и школе советского художественного перевода», in *Знамя*, 1954, № 10: 141-153.
- КОМИССАРОВ 2002: Комиссаров В.Н. *Современное переводоведение*. Москва, ЭТС.
- НЕЛЮБИН, ХУХУНИ 2003: Нелюбин Л., Хухуни Г. *История и теория перевода в России*. Москва, МГОУ.
- ФЕДОРОВ 1952: Федоров А.В. «Основные вопросы теории перевода», in *Вопросы языкознания*, 1952, № 5: 3-22.
- , 1953: Федоров А.В. *Введение в теорию перевода*. Москва: Издательство литературы на иностранных языках.
- ALEKSEEVA 2013: Alekseeva I. «Zur gegenwärtigen Situation der Übersetzungswissenschaft in Russland», in Menzel B., Alekseeva I. (Hrsg.), *Russische Übersetzungswissenschaft an der Schwelle zum 21. Jahrhundert*. Berlin, Frank & Timme: 25-72.
- KUHN 1962 [1970]: Kuhn Th.S. *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago, The University of Chicago Press, 1970.

- LEFEVERE 2009: Lefevere A. «Interpretation, Übersetzung, Neuschreibung: Ein alternatives Paradigma», in Hagemann S. (Hrsg.), *Deskriptive Übersetzungsforschung: Eine Auswahl*. Berlin, Saxa: 63-91.
- MENZEL, POHLAN 2013: Menzel B., Pohlen I. «Vorwort», in Menzel B., Alkseeva I. (Hrsg.), *Russische Übersetzungswissenschaft an der Schwelle zum 21. Jahrhundert*. Berlin, Frank & Timme: 7-24.
- MOSSOP 2013: Mossop B. «Andrei Fedorov and the Origins of Linguistic Translation Theory», in *Making Translation: The View from a Translator's Mind* (book in progress), available on: <http://www.yorku.ca/brmossop/Fedorov.htm> [28.05.2020].
- SHAKHOVA 2017: Shakhova A. «Paradigm Shifts in Soviet Linguistics and Translation Studies: The Case of the Linguistic Discussion of 1950», in *Acta Slavica Estonica*, 2017, vol. IX: 106-121.

Une voix d'outre-«rideau de fer»: Jurij Ševel'ov et la discussion linguistique de 1950

Yuliya Mayilo (Lausanne)

Le 20 juin 1950, le journal soviétique *Pravda* publia un article de Staline intitulé «Le marxisme et les questions de linguistique», qui critiquait et reniait «la nouvelle théorie du langage» de Nikolaj Marr (1865-1934). Cinq jours plus tôt, un article du linguiste expatrié ukrainien Jurij Ševel'ov (1908-2002) avait été écrit et ensuite (en juillet) publié sous le titre «Le crépuscule du marrisme» dans le périodique mensuel canadien en langue ukrainienne *Novi dni*. Ševel'ov commençait son article en affirmant que, dans toutes les révolutions, le retour à la vie normale s'accompagne de l'élimination de «ceux qui ont dirigé la révolution et cru en ses slogans». N. Marr restait le dernier héros à n'avoir pas encore été renversé par le pouvoir soviétique. Selon Ševel'ov, la théorie de Marr était l'incarnation de l'internationalisme soviétique des premières années qui, par la suite, perdit de son actualité. Ševel'ov conclut l'article en soulignant le rôle contradictoire du marrisme pour l'Ukraine.

Lire en parallèle Staline 1950
et l'Essai de grammaire de la langue française de Damourette et Pichon

Sébastien Moret (Lausanne)

Les recherches en histoire de la linguistique menées à Lausanne ont pour ancrage la comparaison. Comparer ce qui semble, à première vue incomparable, permet, comme l'a montré Patrick Sériot, de faire ressortir des points qui ne seraient pas apparus autrement. Dans le cadre de cette table ronde à l'occasion du 70ème anniversaire de l'intervention de Staline dans la linguistique soviétique, je propose de lire en parallèle deux textes – *Le marxisme et les questions de linguistique* et *l'Essai de grammaire de la langue française* qui ne devraient, de prime abord, ne rien avoir en commun, puisqu'émanant respectivement du Généralissime soviétique et de deux savants français – Jacques Damourette et Edouard Pichon – très proches des idées de l'Action française. Pourtant, on trouve dans ces deux textes des idées et des points communs, qui dévoileront une image similaire de ce qu'est une langue et du rapport qu'elle entretient avec ses locuteurs.

Nous proposerons donc une mise en parallèle de ces textes et des idées communes qu'ils contiennent (toutes les langues possèdent une partie intangible, elles ancrent leurs locuteurs dans une histoire et imprègnent leur façon de penser, toute langue mérite respect et déférence, entre autres choses), avant de tenter d'expliquer de tels propos et leur présence conjointe dans les deux textes analysés. Nous poserons comme hypothèse que ces traits pourraient être caractéristiques d'une linguistique qu'on pourrait qualifier de nationaliste.

Дискуссия 1950 года по вопросам языкознания в более широком историческом контексте

Сергей Ромашко (Москва)

Дискуссия и её дальнейшая судьба может рассматриваться на разных уровнях обобщения – от преимущественно эмпирического (который традиционно считается первичным) до уровня довольно высокой степени обобщения, учитывающего не только безусловную историческую уникальность явления, но и его вхождение в научные, культурно-идеологические и политические процессы. Этот более широкий контекст анализа позволяет увидеть в дискуссии 1950 года черты, которые соотносят её с различными научными и культурно-идеологическими явлениями, характерными для периода модернизации и завершения формирования наций.

La discussion linguistique de 1950 vu de l'Ouest

Patrick Sériot (Lausanne)

1950. En pleine guerre de Corée, l'attention des «Occidentaux» avait peu de chances d'être attirée par une obscure discussion scientifique sur les pages de la *Pravda*. Pourtant elle représente un moment clé de l'histoire de la linguistique.

Il a été souligné à maintes reprises, et avec juste raison, que le texte de Staline «Le marxisme et les questions de linguistique» (1950) avait une finalité essentiellement politique (la notion très peu marxiste de «peuple tout entier», l'affirmation que la langue n'est pas une superstructure...).

On commencera par une remarque préliminaire: l'opuscule de Staline *ne parle pas de linguistique*, mais de philosophie du langage. La différence n'est pas négligeable. Elle concerne l'objet même de ce qu'on appelle en Russie «nauka o jazyke»: *langue* ou *langage*? et la question fondamentale du rapport du langage (ou de la langue?) à la pensée. D'innombrables malentendus et contresens proviennent de ce point de terminologie. S'il y a eu un bouleversement sur la théorie du langage (superstructure ou non?), la «discussion de 1950» n'a *rien changé* au travail de description grammaticale des langues, en particulier des langues de l'Union soviétique.

Le but de cet exposé est de faire le point, dans la mesure du possible, sur les connaissances de cet événement dans le monde dit «occidental». Or si la littérature à ce sujet est abondante, il semble que si beaucoup en ont parlé, peu l'ont vraiment lu. Et le nombre de ceux qui en ont parlé sans connaître un mot de russe est proprement étonnant. Et ceux qui ne connaissent de Marr que ce qu'en a dit Staline (lu en traduction dans les éditions en langues étrangères de Tirana ou de Pékin) sont, semble-t-il, la majorité.

1. Marr vu d'ailleurs, avant 1950

La lecture de Marr, comme de toute la production scientifique venant d'Union soviétique, était étroitement dépendante des orientations politiques de ses lecteurs. Entre philoso-viétisme et antisoviétisme, la marge de manœuvre était étroite (voir Gouarné 2013).

Marr a été invité et accueilli en France dans les années 1920 par Monseigneur Robert Graffin, Professeur à l'Institut catholique de Paris, Président de la Société anti-esclavagiste, à cause de sa connaissance du géorgien, d'abord pour collaborer à la revue *la Patrologie orientale* par des traductions en français de textes géorgiens et arméniens anciens, ensuite pour donner des cours de géorgien à l'École des langues orientales. À ce titre il a été reçu par les slavistes français Paul Boyer et André Mazon, lesquels se sont occupés des démarches pour faire obtenir un visa français à N. Marr et à sa femme.

Il semble que jamais les slavistes français de l'entre-deux-guerres cités ne se sont préoccupés de la théorie japhétique, ils voyaient en Marr avant tout un spécialiste éminent des langues du Caucase.

Marr était connu également comme archéologue du Caucase (Herzfeld 1937).

La longue correspondance d'A. Meillet et N. Marr montre les demandes pressantes de Meillet pour que Marr écrive une grammaire comparée des langues du groupe kartvélien.

Mais à mesure des réponses de Marr, le ton des lettres de Meillet (dans la mesure où l'on peut déchiffrer son écriture de pattes de mouches) se fait de plus en plus réservée et sceptique, il abandonne peu à peu tout espoir de recevoir un jour cette grammaire comparée qu'il appelait de ses vœux. Ses comptes rendus des ouvrages de Marr dans le *BSLP* se font de plus mordants et négatifs. «[...] faute d'avoir acquis une connaissance solide des méthodes linguistiques, il s'est mis à présenter sur l'arménien des hypothèses en l'air que n'ont acceptées aucun des savants compétents. Il est parti de là pour échafauder sur l'histoire des langues des théories absurdes que tous les spécialistes ont immédiatement écartées» (lettres à A. Mazon, février 1935).

Seul le marxiste Aurélien Sauvageot aborde la question politique dans ses lettres à Marr. Il le prie instamment de lui envoyer ses ouvrages et toute la littérature disponible sur la linguistique marxiste parue en URSS, inaccessible en France. Mais lui aussi se lasse et finit par écrire un article très critique, au sujet de l'absence totale de preuves dans l'argumentation de Marr (Sauvageot 1935).

Vendryes (1924) sur un ton modéré et prudent, regrette «les points faibles de la méthode» de Marr.

2. 1950

Certains l'appellent «la discussion», d'autres «la controverses», d'autres «la crise».

La réception a été beaucoup plus intense dans les pays anglo-saxons qu'en France.

Le linguiste marxiste Marcel Cohen est très prudent dans ses commentaires (Cohen 1950; 1956 [1971]), alors que René L'Hermitte, correspondant du journal communiste *L'Humanité* à Moscou au début des années 1950, s'émerveille du sérieux et de l'intérêt de l'ensemble de la discussion (L'Hermitte 1950; 1951; 1952). (Il sera beaucoup plus négatif plus tard, après avoir quitté le parti communiste [L'Hermitte 1984; 1987]).

On trouve dans Meier (1954) un rare exemple d'«application» à un cas concret (le caractère «non mixte» de la langue anglaise) de la dénégation de toute hybridation des langues par Staline.

Mais c'est aux États-Unis qu'un travail sérieux de traductions et commentaires de l'événement de 1950 se met en place avec l'anthologie de Murra *et al.* (1951).

De même, en Grande-Bretagne, les travaux du slaviste Matthews (1948; 1950; 1953; 1955) marquent un désir de comprendre et de faire connaître, sans prendre parti dans la controverse.

3. Les années ont passé...

Après une longue omerta (prononcer le nom de Marr était considéré par beaucoup comme indigne et déplacé, voir Isačenko 1978; Yaguello 1984; L'Hermitte 1987), le thème du marrisme et de la discussion de 1950 est repris par les intellectuels marxistes, principalement en France dans les années 1970. Il s'agit, dans l'immense majorité, de membres du parti communiste ou sympathisants, ne connaissant pas le russe, et essentiellement intéressés par l'aspect «social» du langage et le «front idéologique» français (1977 est l'année de la rupture définitive entre le parti communiste et le parti socialiste) (voir l'ensemble du numéro 46 de la revue *Langages* [1977]; Marcellesi, Gardin 1974; Gadet *et al.* 1979; Gadet, Pêcheux 1981). Aucun de ces auteurs ne connaît le russe, et le marrisme, connu de seconde main, est utilisé comme défense du marxisme autour du parti communiste français, en en faisant une interprétation essentiellement socio-linguistique.

Puis, last but not least, tout le travail fait à Lausanne depuis la thèse de E. Velmezova et les recueils des *Cahiers de l'ILSL* (P. Sériot, etc.). Cette nouvelle perspective de recherche mérite un long commentaire à elle toute seule. Ce sera pour la prochaine fois.

A suivre...

Références bibliographiques

- COHEN 1950: Cohen M. «Une leçon de marxisme à propos de linguistique», in *La pensée*, 1950, № 33 (novembre-décembre): 89-109.
- , 1956 [1971]: *Matériaux pour une sociologie du langage*, vol. 1-2. Paris, Maspero, 1971.
- GADET, GAYMAN, MIGNOT, ROUDINESCO 1979: Gadet F., Gayman J.M., Mignot Y., Roudinesco E. *Les maîtres de la langue*. Paris, Maspero: 77-86.
- GADET, PÊCHEUX 1981: Gadet F., Pêcheux M. *La langue introuvable*. Paris, Maspero.

- GOUARNE 2013: Gouarne I. *L'introduction du marxisme en France. Philosoviétisme et sciences humaines, 1920-1939*. Rennes: Presses universitaires de Rennes.
- HERZFELD 1937: Herzfeld E. «c-r de: LES VICHAPS. Mémoires de l'Académie de l'Histoire de la Culture Matérielle. N. MARR and J. SMIRNOV. Leningrad. 1931», in *Folklore*, 1937, vol. 48, № 1 (mars): 101-104.
- ISAČENKO 1978: Isačenko A.V. «Marr – redivivus?», in *Russian Linguistics*, 1978, vol. 4, fasc. 1: 83-87.
- L'HERMITTE 1950: L'Hermitte R. «Après deux débats scientifiques sur la linguistique et sur la biologie», in *La nouvelle critique*, 1950, № 20: 105-111.
- , 1951: [c-r de la discussion], in *BSLP*, 1951, t. 47.
- , 1952: «Après la discussion sur la linguistique en URSS», in *La Pensée*, 1952, № 42-43: 157-167.
- , 1984: «Utopie et langage en URSS», in *Revue des études slaves*, 1984, t. 56, fasc. 1: 127-140.
- , 1987: *Marr, Marrisme, Marristes: Science et perversion idéologique (Une page de l'histoire de la linguistique soviétique)*. Paris: IMSECO.
- MARCELLESI, GARDIN 1974: Marcellesi J.B., Gardin B. *Introduction à la sociolinguistique: la linguistique sociale*. Paris: Larousse.
- MATTHEWS 1948: Matthews W. K. «The Japhetic Theory», in *The Slavonic and East European Review*, 1948, vol. XXVII, № 68 (December): 172-192.
- , 1950: «The Soviet Contribution to Linguistic Thought», in *Archivum Linguisticum*, 1950, vol. 2: 1-23; 97-121 [en ligne]¹.
- , 1953: «Marr's analytical alphabet», in *Archivum Linguisticum*, 1953, vol. 5, fasc. 2: 65-74.
- , 1955: «Developments in Soviet Linguistics since the Crisis of 1950», in *Slavonic and East European Review*, 1955, № 34: 123-130.
- MEIER 1954: Meier P. «Réflexions sur la langue anglaise à la lumière des enseignements stalinien», in *La pensée*, 1954, № 53 (janvier-février): 75-91.
- MURRA, HANKIN, HOLLING 1951: Murra J.V., Hankin R.M., Holling F. (eds.), *The Soviet linguistic controversy*. New York, King's Crown Press.
- SAUVAGEOT 1935: Sauvageot A. «Linguistique et marxisme. La théorie "japhétique" de l'académicien N. Marr», in Baby J. et al. *À la lumière du marxisme*. Paris, Éditions sociales internationales: 160-168 [en ligne].
- VENDRYES 1924: Vendryes J. «La théorie japhétique de N. Marr», in *Revue celtique*, 1924, vol. XLI: 291-293 [en ligne].
- YAGUELLO 1984: Yaguello M. *Les fous du langage*. Paris: Seuil.

¹ Les textes indiqués «en ligne» sont tous accessibles sur le site du CRECLECO.

**Juri Lotman on the “Kursk-Orel dialect”:
Toward the origins of the notorious mistake of Stalin the linguist**

Mikhail Trunin (Tallinn)

The enormously long article of Joseph Stalin, “Marxism and Problems of Linguistics”, is famous for finishing the domination of Nikolay Marr’s anti-scientific “Japhetic theory” in the official Soviet linguistics. It is well known that Stalin’s work (usually called “the great work” soon after its publication in 1950) was a second-hand compilation, so that the prominent linguist Viktor Vinogradov characterized the main statements of Stalin’s work as “schematic recommendations”. Among Stalin’s various inaccuracies, one mistake is widely known but still remains enigmatic. The Soviet leader claimed that the Russian literary language allegedly evolved from the “Kursk-Oryol dialect” (although such a dialect does not exist as a unified whole). This simulacre became an official linguistic concept for quite a period, demonstrating an extent, for which totalitarian power can influence the structure of scientific knowledge.

In my presentation I will try to explain where this “Kursk-Orel dialect” came from, using an unknown work of Juri Lotman. In a letter to his friend Boris Uspensky of 24 May 1978, Lotman wrote: “I continued the study of the sources of the Kursk-Orel dialect”, and promised to write a brief article on this problem”. The article entitled “On the History of One Conception” was indeed written. It was not published during the Soviet period for obvious political reasons, but has been recently found in Lotman’s archive at Tallinn University. In this article Lotman argues that the background of Stalin’s opinion was Ivan Bunin’s and Maxim Gorky’s statements that Russian classical literature (*sic*) had a local “Kursk-Orel” nature: many writers were born in these regions. The Soviet leader confused the concepts of literature and literary language, and the experience of the II World War anchored the formula “Kursk-Orel” in his mind (cf. the Russian military term “Курско-орловская дуга”, the Kursk-Orel axis).

**«Консервативная революция» в лингвистике:
лингвист Сталин между «основными понятиями» и «духом Веймара»**

Сергей Чугунников (Sergueï Tchougounnikov)
(Дижон)

Политический подтекст сталинской лингвистики обнаруживает любопытные параллели идеологическим составляющим «консервативной революции» в Германии двадцатых-тридцатых годов прошлого века – это идеи континуитета национального исторического или языкового пространства; важности «здорового консерватизма» в теоретических и политических позициях; «конца политики» («аполитичный» общественный порядок под эгидой мощного государства); преодоления классовых противоречий и «гармонии» интересов всех классов; переосмысление понятий «нация» и «национализм» как образований, выходящих за пределы национального государства, и т.д. Некоторые аргументы сталинского текста позволяют связать его с традицией противопоставления «механистического» и «органического» мировосприятия, равно как и с идеей «основных понятий», характерной для германской морфологической типологии стилей (Ригль, Вельфлин). Все эти составляющие отсылают к метафоре «русской Германии» как одному из концептуальных источников сталинского текста.

1.

Консервативное движение в Германии охватывает период от конца Второго Рейха до политического оформления Третьего Рейха. Это очень неоднородное движение, где политические экстремисты, крипто-фашистские союзы и молодежные движения вроде «Перелетных птиц» соседствуют с респектабельными мыслителями, такими как О. Шпенглер, Т. Манн, Г. фон Гофмансталь, Э. Юнгер, С. Георге и другие). Эта исключительная гетерогенность затрудняет вычленение его характерных идеологических составляющих; тем не менее, определенная попытка синтеза представляется возможной. Конечно, в политическом смысле это прежде всего протест против нового «версальского» порядка послевоенной Европы. Но на символическом и идеологическом уровне речь идет о надисторическом конфликте европейского человечества – о противопоставлении Германии и Запада, чувства и разума, культуры и цивилизации, германского и латинского мироощущений, германской динамической «барочной» формы и романской статичной «классической» формы, равно как соответствующего им «чувства жизни».

Данная идеология есть сочетание двух противоположных тенденций – разрушение и сохранение. Генетически она оформилась в рамках критики французской революции и заявила о себе как о поиске предполагаемого «третьего пути» между традиционными политическими подразделениями на «левых» и «правых», на «революционеров» и «консерваторов». Франция и Россия предстают как важные политические символы этого движения. Французская модель служит полюсом отталкивания и мишенью критики – «консервативная революция» является альтернативой модели французской революции. Россия, вследствие ее двусмысленного статуса между Западом и Востоком, мыслится как возможная союзница в поисках «третьего пути», особенно в контексте русского «славянофильства» (Самарин, Леонтьев, Достоевский, Данилевский) и «евразийства».

В немецком контексте имеет место переопределение консерватизма через его классическую составляющую. «Аполитичность», «нереволюционность» или «консерватизм» мыслятся как духовное качество (или завершенное «чувство жизни»)

определенной исторической эпохи (по Т. Манну – «эта многообразно варьируемая тенденция и основное настроение XIX столетия»). Именно в этом смысле Т. Манн в 1918 году сочувственно ссылается на высказывание Ницше об «антиреволюционаризме» Гете – это качество гарантирует «целостность» и «естественность» гетевской системы мировоззрения. Именно поэтому в естественно-научных дискуссиях своего времени классицист Гете оказывается на стороне «нептунистов», а не «вулканистов». Здесь уместно напомнить вполне гетевский «нептунистический» аргумент Сталина, согласно которому «развитие языка происходило не путем уничтожения существующего языка и построения нового, а путем развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка. При этом переход от одного качества языка к другому качеству происходил не путем взрыва, не путем разового уничтожения старого и построения нового, а путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путем постепенного отмирания элементов старого качества».

В сталинском тексте гарантом историко-национального континуитета является язык, вернее «основы языка» (основной словарный фонд и грамматический строй). Это «безразличие» или «надпартийность» языка противопоставляется преломляющей активности и партийности надстройки. Язык опеределен как коллективное, историческое и надклассовое творчество – «как единый для общества и общий для всех членов общества общенародный язык». Эта «надпартийность» или «аполитичность» языка (его «общенародная» позиция) и превращает его в фактор национальной традиции – альтернативой этой континуальности является «жаргон» («жаргон какой-либо социальной группы»). Именно «аполитичность» языка составляет его прагматическую силу («средство общения людей в обществе»), его «орудийность» («орудие производства») и его «качество», именно она предохраняет язык от участи «жаргона» («деградация и исчезновение»).

Текст Сталина содержит ряд аргументов в пользу аполитичности языка:

- она обуславливает его сверхисторичность (знаменательно, что знаковая фигура Пушкина упомянута как аргумент в пользу этого аполитического континуального качества языка);
- она есть выражение исторической необходимости или закономерности. Континуитет и аполитичность языка выражают необходимость мировой истории, они принадлежат исторической закономерности. В советском марксистском дискурсе такое отождествление, конечно, безусловно позитивно;
- она проявляется в непосредственной связи языка с «производственной деятельностью человека», что обуславливает высокую общественную активность языка в жизни общества и «безграничность» сферы его действия;
- она способствует его витализму, гибкости и способности к непрерывному изменению и росту; иными словами, благодаря этому качеству и возможна «жизнь языка» (здесь уместно вспомнить контрастную позицию В. Волошинова, по которому «жизнь языка» состоит именно в его «идеологическом» измерении).

В этой базовой идее «аполитичности» как силы позиция сталинского текста непосредственно смыкается с основным тезисом немецких теоретиков «консервативной революции». Именно такова функция «конца политики» в рефлексии немецких «революционеров-консерваторов». Например, Т. Манн в 1918 году негативно отождествляет политику, демократию и «общественный договор», чтобы обосновать свой принципиальный антидемократизм (ибо «демократия в Германии есть синоним космополитического радикализма»): «[...] политика может быть только одна – демократическая. [...] Нет “демократического” или “консервативного” политика. Есть политик. Или его нет. А если он – политик, то он – демократ. Политическое состояние

духа – состояние духа демократическое; вера в политику – это вера в демократию, вера в *contrat social* (общественный договор)» («Размышления аполитичного», 1918).

Французская демократическая или политическая модель общественного договора противопоставлена немецкой органической или эмпатической модели. Известно, что в истории лингвистических идей эквивалентом является противопоставление французской аналитической модели языка (от общей философской грамматики до лингвистики Соссюра) германской (или германо-славянской) синтетической модели языка – от Гамана и Гердера и лингвистики русских славянофилов до Фосслера, Вайсгербера и неогумбольдтианства).

2.

Романтическая оппозиция «механизм» – «организм» ведет в новом «консервативно-революционном» контексте к коррелятивной оппозиции «цивилизация – культура» или к оппозиции «распад – объединение» («разум и скепсис» противопостоят «жизни»). Тем самым вновь полемически обостряется противоположение органической и культурной Германии механической цивилизаторской Франции.

Некоторые положения сталинского текста позволяют дополнить уже неоднократно комментированную оппозицию между сталинским «классическим» стилем и «барочным» стилем предшествующей эстетики советского аванграда. Действительно, в функциональном плане ««классовые» диалекты, жаргоны, салонные “языки”» эквивалентны роли барочной «интенсивной детали» (В. Шкловский) монтажного паратаксического искусства советского аванграда.

Сталинская эмансипация «общенародного языка» от жаргонов является также своеобразным стилистическим аргументом в пользу определенной языковой эстетики. Германская морфологическая типология стилей (Ригль, Вельфлин) определяет такую эстетику линейности и целостности через типологическое понятие «Ренессанс», находящееся в оппозиции к живописно-фрагментарному стилю «Барокко».

«Диалекты и жаргоны» паразитируют на целостности «национального языка» и, сужая его континуальный потенциал «как средство общения людей для общества в целом», ведут к раздробленности, к примату детали над целым – с точки зрения формальной морфологии искусства, это является возвратом к мозаичному барочному стилю, а с точки зрения сторонников классической или ренессансной нормативной эстетики, речь идет о стилистической или эстетической погрешности.

Таким образом, разработанные Риглем и Вельфлином «основные понятия» истории искусств вполне применимы к сталинской эстетике языка, а значит, к стилистической составляющей сталинской языковой доктрины. Это стилистическое и эстетическое расширение языковой проблематики позволяет перейти к вопросу о литературе и, в частности, о «консервативно-революционных» элементах в методе социалистического реализма.

В немецком контексте трансформация «задушевной», «романтической» и «бюргерской» литературы Второго Рейха в партийную литературу Третьего Рейха находит завершенное выражение в принципе Геббельса, согласно которому новой Германии нужна «стальная романтика» (прагматическая метафора «стальной романтики» в отношении языка присутствует и в сталинских аргументах в виде «современного гусеничного трактора с пятикорпусным плугом и рядовой тракторной сеялкой», противопоставленного «первобытной деревянной мотыге» [в ответе Д. Белкину и С. Фуреру]). Традиция немецкой «бюргеровской», «задушевной» культуры (как она была осмыслена в рамках немецкого консервативного движения) своеобразно отражается в некоторых составляющих концепции реалистического социализма. Такими составляющими являются: романтическая позиция в отношении к

действительности, своеобразный пафос задушевности, идея народности и традиции, общечеловеческих гуманитарных ценностей, идея мастерства (художник как мастер, а художественное творчество как сублимация ремесленной компетенции). Эти факторы позволяют рассматривать социалистический реализм как модификацию «консервативно-революционной» идеи «бюргерской культуры».

Заключение

Все эти составляющие отсылают к метафоре «русской Германии» как одному из концептуальных источников сталинского текста. Александр Дугин, небезызвестный теоретик русского «третьего пути» (отождествляемого с идеей «русского пути»), отмечает крайнюю важность германского фактора в идеологии «неоконсервативной революции», равно как и традиционную русофилию немецких «революционеров-консерваторов» (*Консервативная революция*, 1994).

Речь идет о продолжении русско-германского идеологического диалога, «великим Другим» которого является «политическая» Франция «социального договора». Все это позволяет осмыслить евразийский идеологический фон сталинского текста по вопросам общей лингвистики – равно как элементы «консервативной революции» в явлении русского большевизма.